

О НЕИЗБЕЖНОСТИ РАЗРАБОТКИ И ПРИНЯТИЯ НОВОЙ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЧТО В НЕЙ ДОЛЖНО БЫТЬ (Окончание)¹

© 2022 г. М. И. Клеандров

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: mkleandrov@igpran.ru

Поступила в редакцию 01.11.2021 г.

Аннотация. На основе скрупулезного анализа хронологии и существенных характеристик изменений Конституции РФ 1993 г. автор пришел к выводу о четкой периодизации этих изменений (2008 г. – 2014 г. – 2020 г.), и через шесть лет усматривается закономерность проецирования неизбежности принятия новой Конституции РФ – ориентировочно в 2026 г. Подтверждением объективной потребности в новой Конституции служат также: изначальная дефектность ряда конституционных положений, содержащихся в гл. 1 и 2 Конституции РФ 1993 г., изменить которые без принятия новой Конституции РФ невозможно; образовавшиеся противоречия (явные и подспудные) между конституционными положениями, содержащимися в гл. 1 и 2 Конституции РФ, с одной стороны, и гл. 3–8, с другой стороны; дефектность ряда нововведений в Конституцию РФ, произведенных в 2020 г. (прежде всего относящихся к конституционным основам механизма правосудия); а главное – возможность новую Конституцию РФ 2026 г. сконструировать на качественно иной базе с ориентацией на будущее, со счастливым обществом, высокоэффективным государственным устройством, сильной экономикой и проч., в основе чего должна лежать национальная идея, ядром которой будет сакральная для нашего общества справедливость. Вносятся конкретные предложения, в том числе о том, что должна содержать новая Конституция РФ.

Ключевые слова: изменяемость Конституции РФ 1993 г., неизбежность принятия новой Конституции РФ в 2026 г., основные идеи будущей Конституции РФ.

Цитирование: Клеандров М.И. О неизбежности разработки и принятия новой Конституции Российской Федерации и что в ней должно быть (Окончание) // Государство и право. 2022. № 3. С. 7–18.

DOI: 10.31857/S102694520019160-7

ON THE INEVITABILITY OF THE DEVELOPMENT AND ADOPTION OF A NEW CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND WHAT SHOULD BE IN HER (The end)²

© 2022 М. I. Kleandrov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: mkleandrov@igpran.ru

Received 01.11.2021

¹ Начало см.: Государство и право. 2022. № 1. С. 7–18.

² For the beginning, see: Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1 (2022), pp. 7–18.

Abstract. Based on a scrupulous analysis of the chronology and essential characteristics of the amendments to the Constitution of the Russian Federation in 1993, the author came to the conclusion about a clear periodization of these changes (2008–2014–2020), and after six years, a pattern of projecting the inevitability of the adoption of a new Constitution of the Russian Federation is seen – approximately in 2026. Confirmation of the objective need for a new Constitution are also: the initial defect of a number of constitutional provisions contained in chapters 1 and 2 of the Constitution of the Russian Federation in 1993, which cannot be changed without the adoption of a new Constitution of the Russian Federation; the resulting contradictions (explicit and implicit) between the constitutional provisions contained in chapters 1 and 2 of the Constitution of the Russian Federation, on the one hand, and chapters 3–8, on the other hand; the defectiveness of a number of innovations to the Constitution of the Russian Federation made in 2020 (primarily related to the constitutional foundations of the justice mechanism); and most importantly, it is possible to construct the new Constitution of the Russian Federation in 2026 on a qualitatively different basis with a focus on the future, with a happy society, a highly efficient state structure, a strong economy, etc., which should be based on a national idea, the core of which will be justice sacred to our society. Specific proposals are being made, including what the new Constitution of the Russian Federation should contain.

Key words: changeability of the Constitution of the Russian Federation of 1993, the inevitability of the adoption of a new Constitution of the Russian Federation in 2026, the main ideas of the future Constitution of the Russian Federation.

For citation: Kleandrov, M.I. (2022). On the inevitability of the development and adoption of a new Constitution of the Russian Federation and what should be in her (The end) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 3, pp. 7–18.

Что нужно, по мнению автора, учесть, предусмотреть, провозгласить в будущей Конституции РФ?

Представляется необходимым четко определить и провозгласить место Президента РФ в системе разделения властей. Несмотря на то что в действующей Конституции РФ полномочия Президента РФ подробно закреплены в отдельной, четвертой, главе, и что ч. 1 ст. 11 Конституции РФ провозглашает, что государственную власть в Российской Федерации осуществляют Президент РФ, двухпалатное Федеральное Собрание, Правительство РФ и суды Российской Федерации, ст. 10 Конституции РФ гласит, что государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную, органы которых самостоятельны. И где здесь – в системе конституционного разделения государственной власти в стране – место власти Президента РФ? К какой из названных трех ветвей она относится? А если ни к какой из названных не относится (а это – так), а даже по действующей Конституции РФ она есть и весьма значимая, к тому же явно самостоятельная, то положение дел нужно исправить.

Кроме того, учитывая роль и значение президентской власти в стране, а особенно авторитет действующего Президента в нашем обществе, представляется настоятельно необходимым в Конституции закрепить его преемника (по должности), а еще лучше «цепочку» преемников – в случае чего. Разумеется, до внеочередных всенародных выборов, в этом случае, Президента РФ.

Вызывает возражение редакция первых двух частей ст. 13 Конституции РФ: «1. В Российской

Федерации признается идеологическое многообразие. 2. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Почему?

Конституционное признание права на идеологическое многообразие означает право на идеологию фашизма, расизма, экстремизма, национальной исключительности, религиозных сект с извращенными практиками, ЛГБТ и т.д. И ч. 5 ст. 13 Конституции РФ, закрепляющая создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни, ситуацию не спасает, – чуждые нам идеологии, их проявления сегодня вполне реально обеспечиваются посредством Интернета и т.п. технологий, маленькими «кучками злых людей» или вообще одиночками.

Само слово «идеология» иностранного происхождения, определяется как «(нем. *Ideologie* < *idea* «понятие» + *logos* «слово») – система идей, принятых в каком-либо философском учении или социальном строе, религии, искусстве, морали»³. Более полное определение этого понятия представлено в Большом толковом словаре русского языка⁴.

³ Большой словарь иностранных слов / сост. А.Ю. Москвин. М., 2003. С. 223.

⁴ «ИДЕОЛОГИЯ, -и, ж. [от греч. *idea* – понятие и *logos* – учение]. 1. Полит. Система взглядов, идей, представлений, характеризующих то или иное общество, тот или иной класс или

Конституция РФ – новая (да и вообще-то и старая должна была) – обязана создать выпуклый, ясно осязаемый образ будущего нашего общества и государства. Того будущего, движение к которому также должна обеспечить новая Конституция РФ. Того будущего, в котором каждому гражданину Российской Федерации хотелось бы жить и работать. Того будущего, в котором хотелось бы, чтобы жили наши дети и внуки...

Отсюда вытекает – любое общество и государство не могут существовать без сколь-нибудь внятной идеологии, а если такое случится, то ненадолго. Ведь идеология, по мнению автора этих строк, есть организация жизнедеятельности для человека – для каждого отдельно и для всех граждан конкретного государства. Общество каждого государства без идеологии – как пустой сосуд, который с неизбежностью будет заполняться какой-либо идеологией. По факту он у нас в силу ст. 13 Конституции РФ пуст, но уже зарубежные «друзья» стараются его заполнить, образно говоря, боевым, отравляющим души нашего народа веществом. Различными путями, способами и методами.

Так, одна из самых крупных бирж мира, дислоцирующаяся в США – NASDAQ, где размещены в основном высокотехнологические компании (Google, Amazon, Zoom, Tesla, Intel и др.), в т.ч. российские (Яндекс, МТС, Вымпелком, Мечел, Ozon и др.), всего 3200 компаний, приняла новые правила для советов директоров фирм, чьи акции она продает. Согласно этим правилам в совете директоров компании, торгующей на названной бирже либо желающей на ней торговать, должны быть как минимум одна женщина (человек, идентифицирующий себя в качестве женщины) и как минимум один представитель ЛГБТ (гей, лесбиянка, трансгендер и т.п.).

Переходный к исполнению этого правила период – до 2023 г., а потом нашим фирмам что делать? Ведь торговать на площадке названной биржи престижно и весьма выгодно. А исполнять эти требования – внедрять в стране противоестественную для нашего общества идеологию. Вместо того чтобы к власти (в компаниях, торгующих на указанной бирже) привлекать людей, единственным требованием к которым является то, что они – лица нетрадиционной сексуальной ориентации, нам, очевидно, нужно здесь придерживаться принципа

политическую партию. *Марксистская и. Буржуазная и. Западная и. И. крестьянства. 2. Спец.* Совокупность связанных между собой идей и требований, выступающих как основа конкретных действий, решений и т.п. *Разработать прибор на базе новой идеологии.* < Идеологический, -ая, -ое. *И-ие вопросы. И-ая борьба. И-ая работа* (связанная с пропагандой определенных идей, взглядов). *И. словарь* (=идеографический словарь). Идеологически, нареч. *И. выдержанный. Подготовить кадры и.* (см.: Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 2003. С. 374).

меритократии – власти наиболее достойных и способных, выявляемых в ходе серьезных, глубоких и несколько этапных экзаменов. Но и это у нас пока толком не организовано.

Без внятной идеологии нашего общества как определить: куда мы движемся, и движемся ли вообще? Без внятной идеологии никакой по-настоящему эффективной воспитательной работы в отношении ни детей (среди которых сейчас, к сожалению, широко распространяется идеология АУЕ – арестантский уклад един, с принудительно-добровольным сбором средств в воровской общак), ни юношества быть не может: нет у нас сегодня писателей, создавших произведения с героями, которым подражали (например, до Великой Отечественной войны) дети – Тимуру и его команде (по А. Гайдару), юношество – Павлу Корчагину (по Н. Островскому). Сегодня что – подражать спортсменам с их астрономическими гонорарами? Певцам? Блогерам? Самозванным звездам? Нет, конечно, но ведь иных «ярких» личностей, заполнивших телевидение и Интернет, у нас нет. Впрочем, как и на всей практически планете, а многие зарубежные фильмы, закупаемые российскими прокатчиками, демонстрируют счастливую однополую любовь и другие, счастливые у них, но пока (!) у нас отторгаемые в сознании большинства общества извращения.

Прекрасно, что в России сегодня есть много замечательной, соответствующей менталитету народа молодежи – одно волонтерское движение многого стоит. Но это пока. Сохранится ли оно и сколь долго без подпитки правильным воспитанием подрастающего поколения на основе внятной идеологии – вот вопрос.

Тем не менее внятная идеология – понятие многокомпонентное, и его закрепить в законе, в целевой государственной программе, в ином многостраничном нормативном правовом акте невозможно. В этих актах может быть закреплена лишь нормативная основа идеологии⁵.

⁵ Например, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400), в которой в п. 1 сказано: «Конституцией Российской Федерации закреплены фундаментальные ценности и принципы, формирующие основы российского общества, безопасности страны, дальнейшего развития России в качестве правового социального государства, в котором высшее значение имеют соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, повышение благосостояния народа, защита достоинства граждан Российской Федерации», и в которой есть раздел «Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти» (п. 84–93), при этом в п. 93 в 14 подпунктах перечислены пути решения задачи по защите традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти. Она, как рассчитано, будет действовать до 2030 г., при этом, похоже, параллельно (и совместно!) будут действовать госпрограммы (их 45), нацпроекты (их 13), федеральные целевые программы (их 11) и др. А о некоторых уже и забыли.

Вместе с тем идеология не может быть набором лозунгов и благих пожеланий — на примере предмета «Научный коммунизм», широко преподаваемый и изучаемый в высшей школе 1980-х годов, особенно в юридических вузах и факультетах.

Но что обязательно должно стать современной идеологией нашего общества — так это национальная идея, которой пока нет, и задача выработки которой давно стоит прежде всего перед российской наукой.

Ядром национальной идеи, без сомнения, будет историческая тяга нашего народа к справедливости — причинами и основаниями в нехватке которой издавна служили бунты, восстания, мятежи. И утверждать, что сегодня в российском обществе достает справедливости, вряд ли можно — нет для этого оснований.

В принципе, национальная идея как стержень внятной идеологии нашего общества будет (должна стать) основой, фундаментом, ориентиром всех положений новой Конституции РФ.

Далее. Нет сомнений в том, что движущей силой развития общества и государства, во всем многообразии их составляющих, является наука. Известно также, что СССР добился серьезных достижений в ряде сфер (прежде всего в обороне, в космосе, в атомной энергетике) именно благодаря науке, правильной организации научных исследований, руководство которыми обеспечивали прежде всего Государственный комитет Совета Министров СССР по науке и технике (ГКНТ СССР) и Академия наук СССР, что базировалось на действующей тогда Конституции СССР.

В Конституции СССР 1977 г. была статья о науке, 26-я, которая провозглашала: «В соответствии с потребностями общества государство обеспечивает планомерное развитие науки и подготовку научных кадров, организует внедрение результатов научных исследований в народное хозяйство и другие сферы жизни». При этом в ее ст. 114 было провозглашено, что АН СССР обладает правом законодательной инициативы.

В Конституции РФ 1993 г. наука мельком и вскользь упоминается в п. «е» ст. 71, п. «в», «в.1» ч. 1 ст. 114 — без какого-либо раскрытия содержания положений о науке, в ином ряду с иными сферами жизнедеятельности страны. Поэтому в новой Конституции РФ нужна отдельная, развернутая, несколькочастевая статья о науке (предположительно в гл. 3 «Федеративное устройство»), что позволит создать соответствующую, достойную российской науке, и прежде всего РАН, законодательную базу.

По мнению автора этих строк, в первом приближении эта статья должна контурно содержать следующие положения (в разрезе ее частей). 1. Базовая

функция науки как основного и главного движителя человеческой цивилизации. Роль государства в обеспечении развития науки в Российской Федерации. 2. Основные организационные формы научных исследований в Российской Федерации: академическая, вузовская, отраслевая, индивидуальная. Основные виды научно-исследовательской деятельности в Российской Федерации: фундаментальная, поисковая, прикладная. Статус ученого, как работающего в научном коллективе, так и занимающегося научной деятельностью самостоятельно, — творческий человек, в своей научной деятельности поддерживаемый государством. 3. Российская академия наук есть ядро организационных форм научно-исследовательской деятельности в Российской Федерации. В ее систему входят региональные отделения и научные центры, научные институты и иные научные организации, а также иные объекты, в т.ч. социальные, обеспечивающие деятельность системы РАН. Государственные проекты и программы уровня стратегического планирования утверждаются при положительном экспертном заключении РАН как главной в стране научно-экспертной организации, ею же экспертируются результаты реализации этих проектов и программ. Имущество, закрепленное за РАН и звеньями, входящими в ее систему, может быть отчуждено, а ее институты могут быть объединены, разъединены либо переданы в иное ведение лишь с согласия Общего собрания членов РАН. Российская академия наук обладает правом законодательной инициативы по вопросам собственного ведения. 4. Отношения, закрепленные в первых трех частях настоящей статьи, регулируются федеральными конституционными законами.

Представляется целесообразным (пока — не остро критичным) провозгласить в новой Конституции РФ определенные ограничения на развитие Искусственного Интеллекта (ИИ).

У этой проблемы есть две стороны. Первая: сам человек, в усредненном понимании, постепенно чипизируется, киборгизируется, имплантируется — это объективная реальность. Раз достижения научно-технического прогресса допускают это, то данный процесс неизбежен: людям ведь хочется лучше видеть, лучше слышать (в различных спектрах), лучше помнить (в недалеком будущем в чипе, встроенном в головной мозг, может поместиться вся информация, содержащаяся в Ленинской библиотеке, при этом очевидно: данное направление нейробиологии является проблемой не только технологической, но и юридической), быть в несопоставимо с «обычными» людьми лучше в физической форме и т.д.

Вторая же — развитие самого ИИ, здесь простор, в принципе, угрожающий человечеству, велик. Конечно, цифровизация многих сфер человеческой жизнедеятельности приносит пользу, подчас

огромную. Например, Председатель Верховного Суда РФ В.М. Лебедев, выступая 24 сентября 2021 г. на совещании председателей верховных судов государств – членов ШОС, отметил, что в 2021 г. в России в электронном виде в суды было подано более 3 млн процессуальных документов; число судебных заседаний с использованием видеоконференцсвязи превысило 300 тыс.; а количество обращений пользователей к ГАС «Правосудие» – 2,5 млрд.

При этом, несомненно, всякая цифровизация в судебной деятельности может и должна носить лишь вспомогательный характер, само же непосредственное правосудие остаться за судьей-человеком, но отнюдь не за судьей-ИИ, – ИИ еще долго (а может и очень долго) не способен будет на ментальном уровне, присущем подчас подспудно, «на автомате» судье-человеку, анализировать выступления и ответы на вопросы в судебных заседаниях по фактологическим, интонационным, эмоциональным, семантическим и семиотическим и иным характеристикам.

Недавно Правительством РФ был утвержден второй пакет мер поддержки IT-отрасли, в «дорожную карту» которой включены 62 мероприятия. При этом общесистемный характер носят 20 пунктов плана, предусматривающие шаги по выравниванию условий ведения бизнеса в России для международных интернет-корпораций, стимулированию внедрения российских решений в деятельность отечественных предприятий, а также по поддержке экспорта IT-разработок⁶.

Вместе с тем практически одновременно Уполномоченный по правам человека в РФ Т.Н. Москалькова, выступая 11 августа 2021 г. в г. Солнечногорске (Московская область) на площадке Всероссийского молодежного образовательного форума «Территория смыслов», отметила: в настоящее время не хватает правового инструментария, способного обеспечить гражданам защиту их прав в условиях развития цифровизации, и стремительно растущая цифровая среда требует соответствующего регулирования⁷.

Заметим, что ИИ «наступает» в вопросах приобретения собственных прав во всем мире: как известно, созданная в Гонконге компанией HANSON Robotics роботесса София в Саудовской Аравии приобрела в 2017 г. гражданство этого государства, т.е., по сути, превратилась из объекта права в субъект права – со всеми вытекающими из этого юридическими и иными последствиями; британец Стивен Тайлер – разработчик ИИ под названием “Dabus”, подал заявку на патент двух изобретений, в которой

указал, что автором разработки изобретения является ИИ и патент нужно выбрать именно ИИ, а не получив положительного ответа в Ведомстве интеллектуальной собственности и судебных органах Великобритании, обратился в несколько иных иностранных органов, и австралийский судья в августе 2021 г. «постановил, что ИИ может претендовать на патент и считаться автором изобретения»⁸, и т.д.

Но ведь если ИИ обрел (или вскоре повсеместно обретет) собственную правосубъектность, став субъектом права и гражданином определенного государства, то в случае угрозы с его стороны человеку, группе людей, государству, а то и всему человечеству (или даже не угрозе, а прямым действиям с его стороны), то что с ним делать, как государству защититься? «Выключить» его? Но ведь это будет означать – формально – убийство его как субъекта права и как гражданина (эта ситуация гипотетически может возникнуть при встрече с инопланетянином, внешне не проявившим признаки разумности). Ну а если ИИ после «выключения» разобрать на запчасти, это вообще пахнет «расчлененкой» – формально – юридически во всяком случае.

В разных странах предпринимаются робкие попытки введения развития ИИ в правовое русло путем формирования разного рода «цифровых кодексов», «кодекса этики ИИ», «кодекса этики принципов для ИИ» (в Китае), в России 26 октября 2021 г. около двух десятков крупных компаний и организаций подписали Кодекс этики ИИ, содержащий 12 страниц, где, в частности, закреплено, что применение технологий «сильного» (схожего с человеческим) ИИ должно находиться под контролем государства⁹, и т.д. Но достаточно ли этого?

В современной юридической литературе есть немало научных публикаций об угрозах цифровизации конституционным правам граждан¹⁰.

Небезынтересно, что (это уже подход к рассматриваемой проблеме с другой стороны) в Бразилии по решению суда (!) штата Парана две собаки – золотистый ретривер по кличке Спайк и пойнтер по кличке Рэмбо смогут претендовать на получение (!) 2 тыс. реалов (около 400 тыс. долл.) в качестве моральной компенсации. Этот суд впервые признал право собак на компенсацию морального вреда,

⁸ Черноусов И. Искусственному интеллекту отказали в праве изобретать // Там же. 28 сент.

⁹ См.: Емельяненко В. Мягкая сила этики // Там же. 27 окт.; Едовина Т. Искусственному интеллекту очертили границы // Коммерсантъ. 2021. 27 окт.

¹⁰ См., напр.: Мочалов А.Н. Цифровой профиль: основные риски для конституционных прав человека в условиях правовой неопределенности // Lex russica. 2021. Т. 74. № 9 (178); Филипова И.А. Искусственный интеллект и нейротехнологии: потребности в конституционно-правовом регулировании // Там же. С. 119–130.

⁶ См. подр.: Кузьмин В. Все для «цифры» // Росс. газ. 2021. 15 сент.

⁷ См. подр.: Яковлева Е. Репутация для свободы // Там же. 12 авг.

причиненного жестоким обращением со стороны бывших хозяев, о чем 16 сентября 2021 г. сообщило издание «O Antagonista» со ссылкой на базу данных судебных органов. По информации портала, шестилетний Спайк и трехлетний Рэмбо наравне с представляющими их интересы в рамках судебного процесса НКО получили статус «заинтересованной стороны». По мнению адвоката и зоозащитницы Э. Палуду, «суд создал прецедент, который в дальнейшем может быть использован для отстаивания интересов других зверей. “Это слом парадигмы. Это новый взгляд на право, постгуманистический”», — приводит издание ее слова¹¹.

Если интересы собак в суде вполне успешно защищали их представители — адвокаты, сами же собаки были в процессуальном плане безмолвными, то при защите интересов (а вскоре и прав) ИИ серьезную правовую помощь адвокатом станут оказывать сами ИИ, а с их развитием и приобретением ими собственной правосубъектности и вообще обойдутся без адвокатов.

И может так случиться, что за этим дело не встанет — слишком уж быстро развиваются ИТ-технологии, и с созданием квантовых (равно — фотонных) компьютеров задач, посильных для решения человека и непосильных ИИ, не останется.

Но упомянутый выше Кодекс этики искусственного интеллекта дал старт добровольному саморегулированию и внедрению инструмента «мягкой силы» в достижение согласия между ИИ и человеком. Не больше.

Однако самая главная опасность для человеческой цивилизации возникнет (в сегменте рассматриваемой в данной работе проблемы) тогда, когда ИИ станут сами «вести» себя, сами создавать собственные алгоритмы и программы, создадут свой предельно быстродействующий язык как средство общения между собой (если вообще не объединятся в единый, сверхмощный ИИ), сами станут ставить себе задачи и их решать, что «попахивает» уже созданием их собственной цивилизации, где места человечеству с его явно несовершенной цивилизацией уже не будет. И это — не фантастический боевик, это (по личному мнению автора данных строк) — естественное развитие событий.

И не только создание механизмов «мягкой силы» в отношении развития ИИ, но и жесткое, императивное законодательное регулирование, включая международное (а здесь главное требование должно содержать категорическое условие: воздержаться от предоставления ИИ гражданства государства — «подписанта» соглашения, не дать возможности ИИ преобразоваться из объекта права в субъект права), надежным барьером описанного варианта развития

ИИ не станут. Здесь нужны жесткие ограничения конституционного уровня, как российских, так и других (оптимально всех) государств (например, содержащих требования обязательного включения в каждый ИИ специальных блокирующих устройств, основанных на широко известных трех законах робототехники Айзека Азимова), и задача эта крайне сложная, но реализуемая.

Исключительно важным представляется резкое, принципиальное, фундаментальное усовершенствование конституционных основ механизма российского правосудия — судебной ветви государственной власти Российской Федерации. Сказать, что этот механизм у нас сегодня (тем более был в прошлом) безупречный, даже достаточный, значит, погрешить против истины. Правда, есть люди, которые считают, что он так хорош, что в нем менять ничего не нужно, но их мало. Главное — он далеко не полностью соответствует той цели, для достижения и поддержания которой он должен функционировать — вершению справедливого (!) правосудия. Причин этому немало — в каждой из трех его составляющих (судоустройственной, судопроизводственной и судейско-статусной), да и корни этой проблемы, в т.ч. исторического плана, глубокие, даже глубочайшие, но это — «отдельная песня».

Здесь вполне уместна аналогия с механизмом присуждения ученых степеней, существовавшая в нашей стране до 1976 г. Так, в соответствии с Положением об испытаниях на ученые степени 1837 г. защита диссертаций проходила на заседании факультета, решение которого о присуждении степени утверждалось ученым советом университета¹². В советский исторический период (в 1917 г. существовавшие к этому времени в России ученые степени были ликвидированы, а восстановлены ученые степени кандидата и доктора наук, но не магистра, в 1934 г.) ученые степени присуждались по результатам защиты диссертации квалификационными комиссиями, организованными при наркоматах, АН СССР, республиканских и отраслевых академиях, при этом перечень отраслей наук, по которым производилась защита диссертаций, был определен лишь в 1937 г., тогда же право утверждения докторских диссертаций было передано ВАК¹³.

В соответствии с п. 18 Положения об аспирантах НИИ ВСНХ СССР от 17 мая 1930 г. защита аспирантом его работы производилась «в деловом заседании научных работников с участием

¹² См. подр.: *Аристер Н.И., Загузов Н.И.* Процедура подготовки и защиты диссертаций. М., 1995. С. 6, 7.

¹³ См. подр.: *Кузин Ф.А.* Диссертация. Методика написания. Правила оформления. Порядок защиты: практ. пособие для докторантов, аспирантов и магистрантов. 2-е изд., доп. М., 2001. С. 7.

¹¹ См.: Pravo.pu (дата обращения: 17.09.2021).

хозяйственных и профессиональных организаций путем ее разбора»¹⁴.

Отмечая, что защита диссертаций проводится в советах вузов (факультетов) или научно-исследовательских учреждений, Г.И. Федькин высказал мнение о необходимости перенесения защиты диссертаций в советы лабораторий, секторов, кафедр, конструкторских бюро, исходя из тезиса о том, что на современном этапе «процесс дифференциации и специализации наук зашел столь далеко, что даже ученые, работающие в составе одной кафедры или сектора, не всегда оказываются в состоянии быть “судьями” по новым для науки проблемам, разработанным их же товарищами. Еще менее этими судьями могут быть члены совета, работающие в других кафедрах или секторах»¹⁵.

Положение дел со специализацией советов по присуждению ученых степеней стало несколько улучшаться с принятием Положения о ВАКе при Министерстве высшего и среднего специального образования СССР (утв. постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 28.01.1960 г. № 127¹⁶). Но по-настоящему эта специализация была создана лишь Положением о порядке присуждения ученых степеней и присвоения ученых званий (утв. постановлением Совета Министров СССР от 29.12.1975 г. № 1067). В силу абз. 3 п. 7 этого Положения в составе Совета (в нем именуемого специализированным диссертационным он стал позднее) для защиты докторских диссертаций (для кандидатских требования были не столь жесткими) должны быть только доктора наук, из них не менее пяти по каждой из специальностей, по которым Совету предоставлено право приема диссертаций к защите. При этом согласно абз. 2 п. 6 Положения каждый такой специализированный Совет мог принимать к защите диссертации по одной или группе (не более трех) смежных специальностей¹⁷.

То есть этот Совет уже был по-настоящему специализированным – каждый член Совета был

¹⁴ Организация советской науки в 1926–1932 гг.: сб. документов. Л., 1974. С. 294.

¹⁵ Федькин Г.И. Правовые вопросы организации научной работы в СССР. М., 1958. С. 240 (цит. по: Лебин Б.Д. Подбор, подготовка и аттестация научных кадров в СССР. Вопросы истории и правового регулирования. М.–Л., 1966. С. 148).

¹⁶ См.: СП СССР. 1960. № 4, ст. 20.

¹⁷ По-видимому, стоит отметить, что первые в СССР четыре кандидатские диссертации по праву (и диссертация автора этих строк в их числе) по новому Положению были защищены 09.06.1976 г. в специализированном Совете № Д 121/3 при Институте государства и права АН СССР. В нем были такие смежные научные специальности: 12.00.03 – гражданское право и процесс; 12.00.04 – хозяйственное право (добавление «арбитражный процесс» появилось лишь в 1978 г.); 12.00.06 – колхозное, земельное, водное, лесное и горное право; правовая охрана природы.

крупным специалистом в проблематике защищаемой в нем диссертации (в той или иной мере и, конечно, не без исключений). И поэтому 1976 г. в механизме государственной аттестации кадров высшей научной квалификации, можно сказать, стал революционным, недаром указанная модель действует и поныне.

Ведь что было раньше? Хорошо, если Совет, в котором (для юристов) защищалась диссертация, состоял сплошь из юристов: для НИИ – это ИПТ АН СССР, ВНИИСЗ, для вузов – ВЮЗИ, Свердловский юридический институт, Саратовская, Харьковская юридические академии. Ну, а если этот Совет действовал при многопрофильном университете, коих тогда в СССР были десятки и десятки? В него ведь входили физики, химики, философы, специалисты в областях истории КПСС, научного коммунизма, научного атеизма, политэкономии (и капитализма, и отдельно социализма) и т.д. и хорошо, если хотя бы один юрист. То есть оценки научной новизны диссертационного исследования, правильность методологии, апробацию, научную и практическую значимость и иные обязательные для диссертации требования оценивали не специалисты в области защищаемой диссертации, но они принимали по ней решение. А что они могли в ней проверить (и по факту так и было) – лишь: сколько цитат из работ классиков марксизма-ленинизма, прежде всего очередного руководителя ВКП(б) (КПСС), сколько ссылок на исторические решения съездов КПСС и пленумов ЦК КПСС, причем обязательно из последних по времени в диссертации (а то лишь в реферате) содержалось. Виртуозы умудрялись в диссертации по квантовой физике одну и ту же цитату И.В. Сталина, высказанную им мельком, попутно, использовать в своих диссертациях в разных интерпретациях три-пять раз (достоверный факт).

Столь пространный исторический экскурс в механизм государственной (!) аттестации кадров высшей научной квалификации, с выделением в нем 1976 г., преследует одну, но важную цель: показать, как не должно быть, но было до 1976 г., и как должно быть и стало после 1976 г. Конкретнее – когда решения, требующие профессиональных, специальных знаний, принимали не специалисты, и когда эти же решения стали принимать именно специалисты. То есть до 1976 г. по-настоящему действенной государственной аттестации не было, и названный организационно-правовой механизм ее организации и проведения изначально был далеко не тем, какой был необходим, поскольку в нем не было главного – заостренности на специализацию.

Так и с организационно-правовым механизмом отечественного правосудия положение дел сходное. Судья, практически любой, становится глубоким специалистом не тогда, когда он приносит судебскую

присягу и приступает к рассмотрению своего первого судебного дела. Будь он трижды гениален и четырежды талантлив и закончил три разных юридических вуза с красным дипломом, а заодно является доктором юридических наук. Он тогда становится подлинным специалистом в узкой области судопроизводства, когда данную категорию дел он рассматривает минимум лет пять, знает о ней все: и обширную законодательно-нормативную базу, причем в динамике ее развития, и судебную практику, опять же в динамике развития, и научные исследования по этой проблематике, да и сам накопил немалый опыт, знает, на что нужно обратить особое внимание, какие экспертные заключения и иные доказательства по делу здесь определяющие и т.д. и т.п.

И вот такой судья по такой узкой категории дел вынесет (это же очевидно) существенно более справедливое решение, чем судья, первый-второй раз в жизни рассматривающий такое дело. А ведь справедливость правосудия есть альфа и омега судебной власти любого государства, в т.ч. и нашего, хотя цель — вынесение максимально справедливых судебных актов судами в Конституции РФ не названа. Если подходить к этому вопросу с практических позиций, то очевидно — судья, состоя в коллегии по уголовным делам своего суда, например, пять лет и став, естественно, специалистом в уголовном судопроизводстве, вынося при этом заведомо справедливые судебные акты, оказавшись в коллегии по гражданским делам своего же суда, не в состоянии объективно выносить столь же справедливые судебные акты. То есть, владея методологией судейского познания, он, затратив массу времени и сил, смог бы по конкретному делу вынести более справедливый акт, чем по делам, рассматриваемым им в «потоке» иных гражданских дел, отписываемых ему для рассмотрения. Но времени для этого у него (как почти у всех иных отечественных судей) нет — нагрузка у них чрезвычайно велика, даже запредельна, нередко приводящая к эмоциональному выгоранию у отдельных судей.

А перевести судью из одной коллегии суда, в которой он стал глубоким специалистом, в другую этого же суда, где он, мягко говоря, не глубокий специалист, с организационной точки зрения ничего не стоит — и по производственной необходимости, и иногда совсем без оной.

Наличие же в одном судебном органе нашей страны различных с точки зрения видов судопроизводства коллегий (судебных составов) образовалось не вчера: например, в Декрете ВЦИК от 7 марта 1918 г. № 2 «О Суде» указывалось: «Решение дел по существу в гражданских отделениях происходит в составе трех постоянных членов окружного народного суда и четырех народных заседателей. По уголовным же делам решение их по существу происходит в составе

двенадцати очередных заседателей и двух запасных, под председательством одного из постоянных членов суда» (ст. 3)¹⁸. Столь же отчетливо в структуре губернского суда были выделены состав уголовного отдела (ст. 52) и состав гражданского отдела (ст. 53) в Положении о судостроительстве РСФСР, утвержденном постановлением ВЦИК от 11 ноября 1922 г.¹⁹

И такие специализированные подразделения по всей вертикали судебной системы судов общей юрисдикции нашей страны, по существу, сохранились до настоящего времени, за исключением, естественно, малосоставных районных судов (которых осталось совсем мало) и мировых судей, с учетом того, что в 2014 г. к этим коллегиям прибавились судебные коллегии по административным делам.

Но обозначенной проблемой недостаточной справедливости выносимых неспециализирующимися на рассмотрении данной категории дел судьями положение дел не ограничивается. К тому же эту недостаточную справедливость в сравнении с достаточной, вынесенной специализирующимся на этой категории дел судьями, обнаружить крайне сложно — ведь основания отмены судебных актов вышестоящими инстанциями эту недостаточность попросту не в состоянии учитывать по ряду причин. Да и лишь малая часть судебных актов обжалуется в более высокие судебные инстанции.

Более серьезная проблема в другом: а кто принимает окончательные (!) решения по конкретному делу, кто на основе обобщения и анализа определенных категорий судебных дел дает рекомендации (обязательные к исполнению) нижестоящим судебным органам всей судебной системы страны?

В Российской Федерации есть две специализированные судебные системы: арбитражно-судебная и военных судов, при этом они не самостоятельные, а автономные, входящие в судебную систему, возглавляемую (в процессуальном смысле) Верховным Судом РФ.

И на заданные выше два вопроса: кто...? — ответ содержится в Федеральном конституционном законе от 5 февраля 2014 г. № 3-ФЗ (в действующей ред.) «О Верховном Суде Российской Федерации». Ответ на первый вопрос — в п/п. 1 п. 1 ст. 7 «Полномочия Президиума Верховного Суда Российской Федерации»: Президиум «в соответствии с процессуальным законодательством Российской Федерации в целях обеспечения единства судебной практики и законности проверяет в порядке надзора, в порядке возобновления производства по новым или вновь открывшимся обстоятельствам вступившие в силу судебные акты». А ответ на второй вопрос содержится,

¹⁸ См.: СУ РСФСР. 1918. № 26, ст. 420.

¹⁹ См.: СУ РСФСР. 1922. № 69, ст. 902.

соответственно, в п/п. 1 п. 3 ст. 5: Пленум Верховного Суда РФ «рассматривает материалы анализа и обобщения судебной практики и дает разъяснения по вопросам судебной практики в целях обеспечения единообразного применения законодательства Российской Федерации».

Вроде бы все логично. Стоит также указать, что судьи Верховного Суда РФ, без сомнения, — высококлассные специалисты, с большим опытом судебной работы, многие — с учеными степенями, являются авторами монографий, учебников и т.д.

Но ведь нельзя быть глубоким специалистом во всех вопросах права, во всем диапазоне судебно-правовой проблематики. Такие специалисты были, по-видимому, во времена действия Русской Правды; не исключено — в самые первые годы после Октябрьской революции 1917 г., когда во главу угла ставилось в судебных процессах не знание права, а революционная целесообразность или подобные ориентиры²⁰.

Таким образом, следует констатировать: в состав как Президиума, так и Пленума Верховного Суда РФ входят глубокие профессионалы, специалисты различных отраслей права, законодательства и судебной практики. При этом из различных коллегий Верховного Суда РФ, которые перечислены в ст. 4 Федерального конституционного закона о Верховном Суде РФ: по административным делам, по гражданским делам, по уголовным делам, по экономическим спорам и по делам военнослужащих. Входят также руководители Суда, в т.ч. Председатель Верховного Суда РФ, заместитель Председателя Верховного Суда РФ — председатель Дисциплинарной коллегии Верховного Суда РФ.

Получается, по любому делу, рассматриваемому в порядке надзорного производства и т.д., либо по любому обобщению и анализу материалов судебной практики решение принимается большинством членов Президиума (Пленума) Верховного Суда РФ, среди которых глубоких специалистов по предмету принимаемого решения (как судей соответствующей коллегии Верховного Суда РФ) — пятая (и даже меньшая) часть. Остальные четыре пятых — глубокие специалисты в сфере юрисдикции своих судебных коллегий; хотя разбирающиеся, в этом нет сомнений, в судебной проблематике всех иных коллегий, но не как глубокие специалисты. На современном

²⁰ Как отмечается в юридической литературе, «к 1920 г. в стране действовали четыре судебные системы: народные суды; революционные трибуналы; квазисудебный орган в форме чекистских комиссий; общественные и религиозные суды, легализованные советским Правительством» (см. подр.: История суда и правосудия в России: в 9 т. / отв. ред. В.В. Ершов, В.М. Сырых. М., 2021. Т. 6. Судостроительство и судопроизводство РСФСР периода становления советской власти (1917–1920 годы) / В.М. Сырых; отв. ред. С.А. Колунтаев. С. 123).

уровне развития человеческой цивилизации не может быть не только глубокого специалиста во всех областях человеческого знания (похоже, последним таким специалистом был М.В. Ломоносов, но тогда весь совокупный объем знаний мог охватить один, гениальный, человек; впрочем, и ныне встречаются отдельные личности, считающие, что они прекрасно разбираются во всем), но и глубоких специалистов в правовой сфере знаний.

Ситуация с составом Президиума и Пленума Верховного Суда РФ (это очевидно из изложенного выше) как в конечном счете с организационно-правовым механизмом отечественного правосудия в настоящее время весьма схожа с организационно-правовым механизмом государственной аттестации кадров высшей научной квалификации, существовавшим в нашей стране до 1976 г.²¹

Таким образом, нет сомнений: данное положение дел с конституционной основой структуры судебной системы Российской Федерации нужно менять, и самым фундаментальным образом. А это значит, учитывая зарубежный опыт в этом вопросе, необходимо создать несколько специализированных, обязательно полностью самостоятельных судебных систем, несколькозвенных, со своим высшим судом, принимающим окончательные по делам, рассмотренным судами своей системы, решения, самостоятельно обобщающим судебную практику своей системы и результаты обобщения и анализа которой доводящим до сведения и обязательного исполнения судами своей системы.

Организационный механизм правосудия, по мнению автора данной работы, имеет три составляющих: судостроительную, судопроизводственную и судебно-статусную. И каждая судебная (самостоятельная) система обязательно должна базироваться на этих трех составляющих.

Значит, в рамках новой Конституции РФ в стране должны быть самостоятельные несколькозвенные системы: система административных судов, система гражданских судов, система уголовных судов и система арбитражных судов (по видам судопроизводств, закрепленных в ч. 2 ст. 118 действующей Конституции РФ). Но не система военных судов, поскольку у них нет и не предвидится, попросту не может быть своей судопроизводственной составляющей. И это будут самостоятельные, но специализированные судебные системы. Должна быть также система судов общей юрисдикции, куда будет входить в качестве автономной, как и сейчас, система

²¹ Речь идет исключительно о механизме присвоения ученых степеней. Механизм присвоения ученых званий не был тогда радикально реформирован, ныне он просто удручающ (см. подр.: *Клеандров М. И.* О радикальном преобразовании механизма присвоения ученого звания профессора // Государство и право. 2019. № 3. С. 27–37).

военных судов, а также суды иных, не названных выше юрисдикций. Плюс — должны быть самостоятельные федеральные специализированные моносуды, в какую-либо систему не входящие: Конституционный Суд РФ, Суд по разрешению экономических споров с участием крупнейших иностранных инвесторов, Суд по интеллектуальным правам и т.д.

Для сравнения: в ФРГ издавна правосудие осуществляют суды системы общей административной юстиции, суды финансовой судебной системы, суды системы по трудовым делам, суды системы по социальным вопросам²², а также система судов общей юрисдикции²³.

Осуществляют также конституционное правосудие Федеральный конституционный суд и конституционные суды земель, систему не составляющие. Координацию осуществляет Общий сенат высших судов ФРГ, учрежденный Законом 1968 г. с целью обеспечения единства судебной практики. Заседания Общего сената созываются, когда Высший федеральный суд намерен иначе решить вопрос права, чем он решается другим Высшим федеральным судом или Общим сенатом. В состав Общего сената входят председатели высших федеральных судов, председатели сенатов соответствующих высших федеральных судов и по одному судье из каждого из этих сенатов²⁴.

Разграничение подведомственности дел между судами различных судебных систем Российской Федерации, с учетом федеральных моносудов, вполне эффективно способен обеспечить подобный федеральный конституционный орган (может быть, его следует назвать: Форум высших судов РФ), который регулярно после первоначального, ключевого решения о разграничении юрисдикций наподобие совместного постановления Пленумов Верховного и Высшего Арбитражного судов РФ от 18 августа 1992 г. № 12/12 «О некоторых вопросах подведомственности дел судам и арбитражным судам» будет корректировать его. Даже после ликвидации ВАС РФ проблемы разграничения юрисдикций между судами общей юрисдикции и арбитражными судами периодически возникают²⁵.

²² См. подр.: Судебные системы Европы и Евразии: науч.-энциклопед. изд.: в 3 т. М., 2019. Т. 1. Западная и Северная Европа / под ред. Р.А. Курбанова, Р.А. Гурбанова. С. 69–76 (далее — Судебные системы Европы и Евразии).

²³ См. подр.: Горбань В.С., Савенков Д.А. Судостроительство: состояние и современные тенденции развития системы судов общей юрисдикции в Германии (научный комментарий к Закону ФРГ «О судостроительстве») / предисл. М.И. Клеандрова. Саратов, 2019.

²⁴ См.: Судебные системы Европы и Евразии. С. 76.

²⁵ См. подр. об одной из таких проблем: Губенко М.И. Разграничение компетенции между судами общей юрисдикции и арбитражными судами по спорам с участием руководителя организации // Росс. правосудие. 2021. № 7. С. 23–34.

Проблемы с трансформацией структуры судебной системы Российской Федерации на основе будущей Конституции РФ будут, но не фундаментального характера: для создания самостоятельной арбитражно-судебной системы достаточно будет воссоздать Высший Арбитражный Суд РФ, упраздненный в 2014 г.; система административных судов, правда, в качестве автономной, чуть не появилась в 2000 г., когда соответствующий о ней Закон Государственная Дума приняла в первом чтении, т.е. просчитывалось решение всех вопросов, связанных с учреждением этой системы, за исключением своей судопроизводственной составляющей, и т.д.

Эффект же, прежде всего в решении проблемы специализации правосудия, а следовательно, в повышении уровня справедливости выносимых судьями судебных актов, будет (что очевидно) колоссальным.

И наконец, в новой Конституции РФ представится возможность закрепить положение о Совете судебной власти РФ. Речь идет о конституционном властно-государственном федеральном органе, который имеется (также конституционно закрепленный) примерно в половине государств мира, и который в нашей стране чуть-чуть не образовался дважды — в 1993 г., при разработке проекта Конституции РФ, и в 2000 г.

История работы над этими проектами изложена в юридической литературе: над проектом 1993 г., в частности, М.А. Митюковым (знающим ситуацию, что называется «изнутри») ²⁶, там речь шла об органе, наименованном Высшее судебное присутствие. Отрадно, что в многочисленных обсуждениях этого проекта широкое участие принимали и ученые Института государства и права АН СССР, как и иные конституционалисты. Поддерживал первоначально эту идею и Б.Н. Ельцин. Но — не срослось...

В 2000 г. данный вопрос активно обсуждался Рабочей группой по вопросам совершенствования законодательства Российской Федерации о судебной системе, образованной Распоряжением Президента РФ В.В. Путина от 28 ноября 2000 г. (только-только ставшим Президентом РФ, но сразу придавшем проблематике совершенствования механизма правосудия в стране новый импульс). Автор этих строк входил в состав Рабочей группы, и ход обсуждения Высшего судебного совета (предлагались и иные

²⁶ См.: Митюков М.А. В поисках обретения Конституции: от Конституции РСФСР 1978 года к Конституции Российской Федерации 1993 года: документально-монографическое исследование. М., 2021. С. 358–360; *Его же*. Конституционное правосудие на втором этапе развития (к историографии вопроса с позиции конституционалиста) // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 2. С. 54–56.

наименования) также знал «изнутри», что и изложил в соответствующей монографии²⁷.

Основная идея этого властно-государственного органа заключается в том, что у судебной ветви государственной власти нет своего органа, олицетворяющего судебную власть, тогда как у законодательной и исполнительной ветвей она есть (двухпалатное Федеральное Собрание РФ и Правительство РФ). При этом предлагаемый орган не должен быть ни в коем случае и ни в каком варианте судебным органом и непосредственно судебную власть путем осуществления правосудия не будет осуществлять. Напротив, среди большого количества его задач будет обеспечение судом возможности осуществлять справедливое независимое правосудие в самом широком диапазоне потребностей. Верховный Суд РФ не может выступать в качестве такого органа — он: 1) высший судебный орган по разрешению дел; 2) надзорная инстанция; 3) орган, дающий разъяснение по вопросам судебной практики (ст. 126 действующей Конституции РФ). Вопросы финансового, материально-ресурсного, кадрового, информационного характера и другие вопросы судебной системы, как и разработка и утверждение программных документов стратегического характера о развитии отечественного механизма правосудия, в полномочия Верховного Суда РФ, как следует из ст. 128 действующей Конституции РФ, не входили. Да и право законодательной инициативы у него ограничено (ч. 1 ст. 104 действующей Конституции РФ) вопросами его ведения.

Решением необходимых для функционирования судов Российской Федерации задач занимается Судебный департамент при Верховном Суде РФ, но раз он «при», значит, его полномочия не могут быть шире полномочий самого Верховного Суда РФ.

А Федеральную целевую программу «Развитие судебной системы Российской Федерации...» по периодам (сейчас — третий период) вообще разрабатывает и утверждает Правительство РФ, а исполняет Минэкономразвития России, и там ряд пунктов относится исключительно к ведению судебной власти.

И пожалуй, главное здесь — Совет судебной власти РФ будет обеспечивать разработку стратегии развития механизма правосудия (включая альтернативные его формы и институт судебных заседателей, выражающий идею подлинного прямого народовластия в сфере судебной ветви государственной власти) и ее реализацию, а также независимость судей и судебных органов, прежде всего при непосредственном осуществлении ими правосудия, будучи, естественно, наделенным для этого необходимыми государственно-властными полномочиями.

²⁷ См.: Клеандров М. И. О Совете судебной власти Российской Федерации. М., 2016. С. 35–46.

Время научной проработки проблематики Совета судебной власти, как и иных конституционных проблем для будущей Конституции РФ, еще есть, дело — за правильной организацией этой работы.

* * *

В заключение следует отметить: в целом научные исследования, в т.ч. фундаментальные, являются по-настоящему эффективными и результативными, если они ориентированы на создание конечных продуктов и технологий (что практически, наверняка, следует ожидать в разрабатываемом сейчас проекте Государственной программы научно-технологического развития РФ, которая придет на смену Госпрограмме НТР 2019 г.). Для фундаментальной науки права таким конечным продуктом станет разработка проекта новой Конституции РФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристер Н. И., Загузов Н. И. Процедура подготовки и защиты диссертаций. М., 1995. С. 6, 7.
2. Большой словарь иностранных слов / сост. А. Ю. Москвин. М., 2003. С. 223.
3. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2003. С. 374.
4. Горбань В. С., Савенков Д. А. Судостроительство: состояние и современные тенденции развития системы судов общей юрисдикции в Германии (научный комментарий к Закону ФРГ «О судостроительстве») / предисл. М. И. Клеандрова. Саратов, 2019.
5. Губенко М. И. Разграничение компетенции между судами общей юрисдикции и арбитражными судами по спорам с участием руководителя организации // Росс. правосудие. 2021. № 7. С. 23–34.
6. Едовина Т. Искусственному интеллекту очертили границы // Коммерсантъ. 2021. 27 окт.
7. Емельяненко В. Мягкая сила этики // Росс. газ. 2021. 27 окт.
8. История суда и правосудия в России: в 9 т. / отв. ред. В. В. Ершов, В. М. Сырых. М., 2021. Т. 6. Судостроительство и судопроизводство РСФСР периода становления советской власти (1917–1920 годы) / В. М. Сырых; отв. ред. С. А. Колунтаев. С. 123.
9. Клеандров М. И. О радикальном преобразовании механизма присвоения ученого звания профессора // Государство и право. 2019. № 3. С. 27–37.
10. Клеандров М. И. О Совете судебной власти Российской Федерации. М., 2016. С. 35–46.
11. Кузин Ф. А. Диссертация. Методика написания. Правила оформления. Порядок защиты: практ. пособие для докторантов, аспирантов и магистрантов. 2-е изд., доп. М., 2001. С. 7.
12. Кузьмин В. Все для «цифры» // Росс. газ. 2021. 15 сент.
13. Лебин Б. Д. Подбор, подготовка и аттестация научных кадров в СССР. Вопросы истории и правового регулирования. М.—Л., 1966. С. 148.

14. Митюков М.А. В поисках обретения Конституции: от Конституции РСФСР 1978 года к Конституции Российской Федерации 1993 года: документально-монографическое исследование. М., 2021. С. 358–360.
15. Митюков М.А. Конституционное правосудие на втором этапе развития (к историографии вопроса с позиции конституционалиста) // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 2. С. 54–56.
16. Мочалов А.Н. Цифровой профиль: основные риски для конституционных прав человека в условиях правовой неопределенности // Lex russica. 2021. Т. 74. № 9 (178).
17. Судебные системы Европы и Евразии: науч.-энциклопед. изд.: в 3 т. М., 2019. Т. 1. Западная и Северная Европа / под ред. Р.А. Курбанова, Р.А. Гурбанова. С. 69–76.
18. Федькин Г.И. Правовые вопросы организации научной работы в СССР. М., 1958. С. 240.
19. Филипова И.А. Искусственный интеллект и нейротехнологии: потребности в конституционно-правовом регулировании // Lex russica. 2021. Т. 74. № 9 (178). С. 119–130.
20. Черноусов И. Искусственному интеллекту отказали в праве изобретать // Росс. газ. 2021. 28 сент.
21. Яковлева Е. Репутация для свободы // Росс. газ. 2021. 12 авг.
7. Emelianenko V. The Soft Power of Ethics // Ross. gaz. 2021. 27 Oct. (in Russ.).
8. History of the court and justice in Russia: in 9 vols. / ed. by V.V. Ershov, V.M. Raw. M., 2021. Vol. 6. The judicial system and justice of the RSFSR, the period of establishment of Soviet power (1917–1920) / V.M. Raw; res. ed. S.A. Kolontayev. P. 123 (in Russ.).
9. Kleandrov M.I. On the radical transformation of the mechanism of awarding the academic title of professor // State and Law. 2019. No. 3. P. 27–37 (in Russ.).
10. Kleandrov M.I. On the Council of Judicial Power of the Russian Federation. M., 2016. P. 35–46 (in Russ.).
11. Kuzin F.A. Dissertation. Methodology of writing. Rules of registration. The order of protection: a practical guide for doctoral students, postgraduates and undergraduates. 2nd ed., additional. M., 2001. P. 7 (in Russ.).
12. Kuzmin V. Everything for “figures” // Ross. gaz. 2021. 15 Sep. (in Russ.).
13. Lebin B.D. Selection, training and certification of scientific personnel in the USSR. Questions of history and legal regulation. M.—L., 1966. P. 148 (in Russ.).
14. Mityukov M.A. In search of finding the Constitution: The Constitution of the RSFSR in 1978 by the Constitution of the Russian Federation of 1993: the documentary a monographic study. M., 2021. P. 358–360 (in Russ.).

REFERENCES

1. Arister N.I., Zaguzov N.I. The procedure for preparing and defending dissertations. M., 1995. P. 6, 7 (in Russ.).
2. Big dictionary of foreign words / comp. A. Yu. Moskvina. M., 2003. P. 223 (in Russ.).
3. Big explanatory dictionary of Russian language / ed. by S.A. Kuznetsov. SPb., 2003. P. 374 (in Russ.).
4. Gorban V.S., Savenkov D.A. Judicial system: the state and current trends in the development of the system of courts of general jurisdiction in Germany (scientific commentary on the Law of the Federal Republic of Germany “On the Judicial System”) / preface by M.I. Kleandrov. Saratov, 2019 (in Russ.).
5. Gubenko M.I. Differentiation of competence between courts of general jurisdiction and arbitration courts on disputes involving the head of the organization // Russ. Justice. 2021. No. 7. P. 23–34 (in Russ.).
6. Edovina T. Artificial intelligence delineated boundaries // Kommersant. 2021. 27 Oct. (in Russ.).
15. Mityukov M.A. Constitutional justice in the second stage of development (to the historiography of the issue from the perspective of the constitutionalist) // Constitutional and Municipal Law. 2020. No. 2. P. 54–56 (in Russ.).
16. Mochalov A.N. Digital profile: the main risks for constitutional human rights in conditions of legal uncertainty // Lex russica. 2021. Vol. 74. No. 79 (178) (in Russ.).
17. Judicial system of Europe and Eurasia: scientific-encyclopedic ed.: in 3 vols. M., 2019. Vol. 1. Western and Northern Europe / ed. by R.A. Kurbanov, R.A. Gurbanov. P. 69–76 (in Russ.).
18. Fedkin G.I. Legal issues of the organization of scientific work in the USSR. M., 1958. P. 240 (in Russ.).
19. Filipova I.A. Artificial intelligence and neurotechnologies: needs in constitutional and legal regulation // Lex russica. 2021. Vol. 74. No. 9 (178). P. 119–130 (in Russ.).
20. Chernousov I. Artificial intelligence was denied the right to invent // Ross. gaz. 2021. 28 Sep. (in Russ.).
21. Yakovleva E. Reputation for freedom // Ross. gaz. 2021. 12 Aug. (in Russ.).

Сведения об авторе

КЛЕАНДРОВ Михаил Иванович — член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

KLEANDROV Mikhail I. — Corresponding Member of RAS, Doctor of Law, Professor, chief researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia